

Д.С. Медведева,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: medvedeva.dasha@mail.ru

Райский как читатель в романе И.А. Гончарова «Обрыв»

В статье рассмотрен вопрос о читательском опыте Бориса Райского. Отдельное внимание уделено метафоре «книга жизни», которая развивается в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в двух взаимосвязанных планах, когда герой выступает, с одной стороны, как читатель, с другой — как романист и художник.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Обрыв»; роман; персонаж; читатель.

D. Medvedeva

Raisky as a Reader in Goncharov's Novel «The Precipice»

The article deals with Boris Raisky's experience as a reader. The metaphor «book of life» which unfolds in Goncharov's novel «The Precipice» is highlighted in the article. The metaphor illustrates two interrelated levels, where the character appears as the reader on one hand, and as a novelist and artist on the other.

Keywords: I.A. Goncharov; «The Precipice»; novel; character; reader.

Проблема читающего персонажа в романах И. А. Гончарова в науке затрагивалась, однако исследования на эту тему немногочисленны (Н.В. Володина [4; 5], Л.В. Чернец [9]). Тем не менее книга и сам процесс чтения, а также читательские предпочтения главных героев и нецентральных персонажей¹ в романе «Обрыв» образуют сложную семантическую структуру. Героев следует разделить условно на две группы — читающих и нечитающих.

¹ В статье специально не разграничиваются понятия «герой» и «персонаж», а последний станет универсальным обозначением всей персонажной сферы романа.

Гончаров точно прописывает в характеристике своего персонажа его общение с книгой, очерчивая круг произведений, которые тот прочел или нет. Райский — «герой читающий», и именно ему доверено «возглавлять» круг себе подобных персонажей-читателей, к которым можно отнести Леонтия Козлова, Веру, отчасти Марфиньку. Бабушка Татьяна Марковна к чтению и книге причастна, но Гончаров говорит об этом косвенно, не уделяя особого внимания чтению в характеристике героини. Отношение к книге у Марка Волохова резко отличается от других, хотя и его стоит отнести к группе читающих персонажей.

Райский с самого детства был окружен книгами, «читал со страстью историю, эпопею, роман, басню, выпрашивал, где мог, книги» [6: с. 44]. Ключи от отцовской библиотеки были переданы ему Бабушкой². Библиотека будет фигурировать в романе как важнейшее место действия, а также точка пересечения интересов читающих персонажей и героев, не очень признающих чтение. Она источник культуры, связывающий между собой несколько поколений.

Райский становится страстным читателем, но отбора книг для чтения, какой-либо определенной читательской стратегии у него не было: он «проглатывал» книги одну за другой и «читал жадно, почти не переводя духа» [6: с. 47]. Чтение для Райского — это «вторая реальность», в которую он с удовольствием окунался, вместе с героями воевал, умирал и вновь возрождался, именно поэтому так «разрывался от волнения» [6: 47]. Книги помогали воображению Райского создать мир фантазии, в которой он чувствовал себя намного увереннее, чем в настоящем, «он бросался к Плутарху, чтоб только *дальше уйти от современной жизни*» [6: с. 47] (курсив мой. — Д. М.).

Отношение Райского к книге можно назвать несерьезным, переменчивым. Герой не сосредоточен на содержании. В любви и в дружбе Райский ведет себя так же: «Между товарищами он был очень странен: они тоже не знали, как понимать его. Симпатии его так часто менялись, что у него не было ни постоянных

² Вслед за Гончаровым (статья «Лучше поздно, чем никогда») используем «бабушка» как имя собственное, поэтому пишем с заглавной буквы.

друзей, ни врагов» [6: с. 47]. Создается ощущение, что у Райского не было ничего постоянного или устоявшегося.

И все же круг чтения Райского нельзя назвать уж слишком хаотичным. Конкретные произведения Плутарха или Тацита, которые читал Райский, не названы, но важно, что ими же серьезно увлекался и Леонтий Козлов, который изучил древнюю жизнь и углубился в нее настолько, что не замечал настоящей. Вообще знакомство Райского с древней литературой произошло лишь на втором курсе университета, когда тот сблизился с робким и «забытым бедностью» Козловым, который и посвятил друга «в тайны разумения древнего мира» [6: с. 85].

В противоположность Леонтию Козлову, Райский ругает классиков, считая прошлое прошлым, но в то же время не стремится примкнуть к каким-то современным движениям и направлениям. *«Книги? Разве это жизнь? Старые книги сделали свое дело; люди рвутся вперед, ищут улучшить себя, очистить понятия, прогнать туман, условиться поопределительнее в общественных вопросах, в правах, в нравах; наконец привести в порядок и общественное хозяйство... А он глядит в книгу, а не в жизнь!»* [6: с. 207] (курсив мой. — Д. М.), — возражал Райский Козлову, хотя для него самого не так давно книга и была целой жизнью. В ответ Козлов очень верно замечал: «Чего нет в этих книгах, того и в жизни нет или не нужно!» [6: с. 207]. Козлов тверд в своем убеждении и в своем отношении к жизни.

Удивление может вызвать высказывание Райского о книгах, которые, казалось бы, навсегда стали верными спутниками его жизни: «Оставим римлян и греков — они сделали свое. Будем же делать и мы, чтоб разбудить это (он указал вокруг на спящие улицы, сады и дома). Будем превращать эти обширные кладбища в жилые места, *встряхивать спящие умы от застоя!*» [6: с. 210] (курсив мой. — Д. М.). Представляется, что желая изменить общество — «встряхивать умы от застоя», Райский имеет в виду прежде всего себя. Это ему нужно стать «проснувшимся» [2: с. 195] Райским и уже не засыпать никогда, подобно Обломову.

Одновременно с этим Райскому не хватает внутренней твердости или устойчивости. Он, талантливый человек, остается

«дилетантом» [5: с. 158] во всех видах деятельности, которыми успел увлечься в детстве или в пору учения в университете. Дилетантизм, видимо, положен в основу всей жизни Райского, что дает о себе знать в отношении к людям, друзьям, искусству. Быть дилетантом (человеком без профессиональной подготовки в той или иной области³) Райскому доводилось не единожды. Он специально приехал в Малиновку для того, чтобы писать роман.

Д.С. Мережковский отметил: «Райский — воплощение и развитие созерцательной, артистической стороны обломовского типа. Такие мягкие, впечатлительные и ленивые натуры — благодарная почва для художественного дилетантизма» [7: с. 623]. В связи с дилетантизмом Райского Е.А. Краснощекова размышляет о мотиве скуки в романе. Исследовательница, ссылаясь на мнение Вс. Сечкарева, пишет: «Гончаров делает скуку “доминирующей философской проблемой, главной движущей силой деятельности Бориса Райского, и возводит ее в статус основного вопроса как жизни, так и искусства”» [7: с. 332]. То есть скука — одна из причин дилетантизма Райского.

Из всех жанров Райский предпочитал роман: «В романе укладывается жизнь, и целиком, и по частям», именно в романе представляется уникальная возможность «смешать свою жизнь с чужою, занести эту массу наблюдений, мыслей, опытов, портретов; картин, ощущений, чувств» [6: с. 375]. Райский считал, что петербургская жизнь, лишенная боренья страстей, не может дать пищи для такого монументального и многообразного по форме романа. И впервые в Малиновке герой знакомится с лицами, драматическая история которых составит сюжет гончаровского «Обрыва» и послужит Райскому материалом для задуманного им романа.

Гончаров устами Райского представил своего рода «теорию романа». Писатель как будто бы создает свой роман следом за своим же героем, который собирает материал для собственной книги, или даже вместе с ним. В конечном счете «Обрыв» оказывается способом реализации гончаровской идеи романа, но это не могло состояться *без* Райского. Он кропотливо работает над рома-

³ В современной трактовке этого слова.

ном, бросает его и снова возвращается, не особенно понимая, как соединить между собой разные зарисовки.

Богатая фантазия Райского была направлена на жизненно важные вещи, которые и создавали *роман жизни* Райского. По мысли Гончарова, Райский обладал множеством возможностей реализовать себя в искусстве, но виной всему его неусидчивость, неуспокоенность и неудовлетворенность только одним видом творческой деятельности.

Сложившаяся в литературе о Гончарове тенденция видеть в Райском исключительно дилетанта представляется все же не вполне справедливой. Гончаров делает своим героем обыкновенного человека, при этом очень талантливого и увлекающегося, но именно потому, что Райскому бесконечно интересна жизнь во всех ее проявлениях. Для него творчество, музыка, рисование — это жизнь, и *процесс чтения* также есть сама жизнь, состояние души, смысл движения, «неуствания» от жизни.

Стремясь написать роман, Райский тем самым одновременно читает и пишет свою книгу жизни, свой роман каждый день, каждый миг. Райский был дилетантом в профессиональной сфере, не смог написать книгу в виде текста, но, как отмечает И.А. Беляева, «он видит свою собственную жизнь как книгу и творит ее как романист» [3: с. 225]. Гончаров предлагает читателю следовать за Райским и научиться, подобно его герою, быть и читателем, и писателем: смотреть на свою жизнь как на текст, который порой очень непросто не то чтобы писать, но даже читать. И в этом смысле метафора «книга жизни» становится в романе Гончарова практическим руководством для читателя: пробуждает его душу, ум и сердце и побуждает к жизнетворчеству.

Литература

1. *Балашова Е.А.* Литературное творчество героев И.А. Гончарова // Гончаров И.А.: материалы Междунар. конф., посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологич. продвижения, 2003. С. 179–185.

2. *Беляева И.А.* Генезис русского классического романа: («Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра): учеб. пособие: в 2 ч. Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 279 с.

3. *Беляева И.А.* Роман как жизнь и жизнь как роман: мотив пробуждения в романе И.А. Гончарова «Обрыв // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 219–226.

4. *Володина Н.В.* «Эстетическое сознание» персонажей романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» // Володина Н.В. Литературный герой как читатель: (на материале рус. лит. 1860-х годов). Череповец: Черепов. гос. ун-т, 1997. С. 22–39.

5. *Володина Н.В.* Герои романа И.А. Гончарова «Обрыв» как читатели // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 154–163.

6. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997 — издание продолжается.

7. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.

8. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной истории. М.: Республика, 1995. 623 с.

9. *Чернец Л.В.* Читатели и критики в художественном изображении: Очерк И.А. Гончарова «Литературный вечер» // Читатель в творческом сознании русских писателей: межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 133–148.

References

1. *Balashova E.A.* Literaturnoe tvorchestvo geroev I.A. Goncharova // Goncharov I. A.: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashhennoj 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. Ul'yanyovsk: Korporaciya texnologij prodvizheniya, 2003. S. 179–185.

2. *Belyaeva I.A.* Genezis russkogo klassicheskogo romana: («Bozhestvennaya komediya» Dante i «Faust» Gete kak istoki zhanra): ucheb. posobie: v 2 ch. M.: MGPU, 2011. Ch. I. 279 s.

3. *Belyaeva I.A.* Roman kak zhizn' i zhizn' kak roman: motiv probuzhdeniya v romane I.A. Goncharova «Obry'v» // I.A. Goncharov: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashh. 200-letiyu so dnya rozhd. I.A. Goncharova: sb. rus. i zarub. avtorov. Ul'yanyovsk: Korporaciya texnologij prodvizheniya, 2012. S. 219–226.

4. *Volodina N.V.* «E'stetcheskoe soznanie» personazhej romanov I.A. Goncharova «Oblomov» i «Obry'v» // Literaturny'j geroy kak chitatel': (na materiale rus. lit. 1860-x godov). Cherepovecz: Cherepov. gos. un-t, 1997. S. 22–39.

5. *Volodina N.V.* Geroi romana I.A. Goncharova «Obry'v» kak chitateli // I.A. Goncharov: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashh. 190-letiyu so dnya rozhd. I.A. Goncharova: sb. rus. i zarubezh. avtorov. Ul'yanovsk: Korporaciya tehnologij prodvizheniya, 2003. S. 154–163.

6. *Goncharov I.A.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. / I.A. Goncharov. Spb.: Nauka, 1997 — izdanie prodolzhaetsya.

7. *Krasnoshheкова E.A.* I.A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.

8. *Merezhkovskij D.S.* Vechny'e sputniki. Portrety' iz vseмирnoj istorii. M.: Respublika, 1995. 623 s.

9. *Chernecz L.V.* Chitateli i kritiki v hudozhestvennom izobrazhenii: Oчерk I.A. Goncharova «Literaturny'j vecher» // Chitatel' v tvorcheskom soznanii russkix pisatelej: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr. / Kalininsk. gos. un-t. Kalinin, 1986. S. 133–148.